УДК 821.521

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/5-14

М.С. Коляда*

ОБЪЯСНИТЬ И ИСПРАВИТЬ: СЭЙМЭЙ, ЗНАТОК ТЕМНОГО И СВЕТЛОГО НАЧАЛ, В ПОУЧИТЕЛЬНЫХ РАССКАЗАХ СЭЦУВА

Теме человеческого мастерства уделяется немало внимания в японских сборниках поучительных рассказов *сэцува*. Во многих произведениях есть специальные разделы, посвященные «искусствам», среди которых обычно упоминается Путь Темного и Светлого начал, *оммё:до:». Этот комплекс верований и практик являлся значимой частью повседневной культуры Японии эпохи Хэйан, а самым знаменитым мастером-оммё:дзи был Абэ-но Сэймэй (921–1005), который в памяти культуры стал великим чародеем с мифологизированной биографией. Между тем записи о Сэймэе в дневниках современников свидетельствуют о его долгом и непростом пути к славе, и в рассказах *сэцува* Сэймэй предстает прежде всего талантливым человеком и мастером своего дела. В этих рассказах, помимо биографии знаменитого *оммё:дзи*, отражены история развития *оммё:до:*, ритуалы знатоков Темного и Светлого начал и различные аспекты бытовой культуры эпохи Хэйан.*

Ключевые слова: Абэ Сэймэй, *сэцува*, *оммё:до:*, *Кодзидан*, *Дзоку кодзидан*, японская литература

To explain and correct: Seimei as a master of yin and yang in *setsuwa* tales.
MARIA S. KOLYADA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Human mastery is an important subject matter in medieval Japanese collections of *setsuwa* tales. Plenty of collections contain special sections for the stories focused on different arts among which we find *onmyōdō*, the way of yin and yang. This set of beliefs and practices represented a significant part of the daily life in Heian Japan. Among the most celebrated *onmyōji* is the figure of Abe-no Seimei (921–1005). Focusing on the tales that mention Seimei and his miracles, the author makes an attempt to show that they are able to shed light not only on Seimei's biography and career path but also on the history, cultural scope and meaning of *onmyōdō* itself.

Keywords: Abe Seimei, *setsuwa* tales, *onmyōdō*, *Kojidan*, *Zoku Kojidan*, Japanese literature

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

© Коляда М.С., 2020

Путь Темного и Светлого начал

Во многих сборниках поучительных рассказов *сэцува* можно найти разделы, так или иначе посвященные мастерам своего дела. В число «искусств», достойных упоминания, наряду с поэзией, музыкой, знанием словесности, танцем, умением играть в *го*, мастерством наездника, разными ремеслами, борьбой сумо и врачеванием неизменно включают мастерство гадания и *оммё:до* (陰陽道), Путь Темного и Светлого начал. Самым известным мастером *оммё:до*: в японской культуре стал Абэ-но Сэймэй (安倍晴明), чья биография с веками обросла легендами.

Предания о Сэймэе изложены во многих сборниках *сэцува*, включая самый объемный памятник жанра – «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю:*», XII в.) и такое знаменитое произведение, как «Рассказы, собранные в Удзи» («*Удзи сю:и моногатари*», XIII в.)¹. Два рассказа о Сэймэе есть в собрании поучительных рассказов «Беседы о делах старины» («*Кодзидан*», нач. XIII в., составитель – Минамото-но Акиканэ), где мастерам своего дела отведен шестой раздел, включающий в себя и рассказы об *оммё:до*:. Именно эти рассказы вместе с некоторыми другими историями из не самых известных сборников *сэцува* станут основным материалом для нашего рассказа о Сэймэе.

В культурной памяти Сэймэй не просто превратился в величайшего *оммё:дзи*, но даже стал считаться не совсем человеком: его способности чудотворца иногда объясняются тем, что Сэймэй – сын лисицы, а не простой смертный². Между тем, он был историческим лицом, знатком Темного и Светлого начал на службе у государя, и в сборниках *сэцува* по большей части его образ тоже еще не совсем фантастический. Здесь Сэймэй – человек и мастер своего дела, с особыми талантами, но не единственный среди собратьев по Пути.

Он прожил долгую жизнь: считается, что родился Абэ-но Сэймэй в 921 г., а умер в 1005 г., и его потомки наследовали его ремесло на протяжении многих поколений. В дневниках современников остались записи о работе Сэймэя. Сигэта Синъити собрал эти упоминания в таблицу, которая наглядно демонстрирует, в каких видах

деятельности были задействованы *оммё:дзи*. В обязанности Сэймэя входили: выбор удачного времени для разнообразных мероприятий, в том числе буддийских ритуалов; проведение ритуалов для борьбы с эпидемией; объяснение знамений и небесных явлений; изгнание демонов; проведение очищений от скверны; проведение ритуалов защиты от пожара; определение удачных или неудачных мест для строительства; выяснение причин болезни; проведение ритуалов *хэнбай* и *Тайдзан Фукун сай* (о них мы скажем ниже).

Сэймэй, достигший, хоть и совсем не в юности, положения высокопоставленного *оммё:дзи*, проводил ритуалы в основном для первых лиц страны: для канцлера Фудзивара-но Митинага, государей и членов их семьи. Перечень исполняемых им ритуалов и гаданий отвечает обязанностям служащего Оммё:рё: (陰陽寮) – Ведомства Темного и Светлого начал.

Наличие такого ведомства в структуре государства не удивительно: изначально становление *оммё:до*: происходило прежде всего в связи с потребностями государства. Не столько религия, сколько набор полезных для обустройства мира практик, *оммё:до*: зарождалось на основе элементов разных китайских учений (в том числе даосизма и конфуцианства), переосмысленных на японской почве [11, р. 36]. Называясь Путем Темного и Светлого начал, оно отнюдь не ограничивалось концепцией гармонии *инь* и *ян* или теорией пяти элементов (*у-син*). Не только гадания, но и астрономия³, календарное дело, измерение времени были в ведении Оммё:рё:⁴. Эти основные направления деятельности ведомства были закреплены в законодательном своде «*Тайхо: ричурё:*» (701 г.). Статья 9 второго закона этого кодекса определяет обязанности начальника Ведомства Темного и Светлого начал следующим образом: «Ведает астрономическими наблюдениями, составлением календарей, наблюдением за движением облаков и ветров; докладывает государю секретным посланием о необычных явлениях» [5, с. 27]. В подчинении у главы ведомства находились секретарь, два писца, шесть астрологов, которым полагалось гадать «на бамбуко-

³ Прежде всего – астрологические предсказания.

⁴ Однако гадания, как и толкование «необычных явлений» не были прерогативой только ведомства Оммё:рё:. Дзингикан и Дзимусё: тоже осуществляли гадания, в зависимости от типа «необычного явления» [9, с. 178–183].

¹ Об образе Сэймэя в «*Удзи сю:и моногатари*» см.: [2].

² Например, сыном лисицы из святилища Синода-но Мори (Кудзуноха Инари) Сэймэй объявляется в собрании XVII в. «*Цуки-но карумосю:*» [7, с. 54].

вых палочках и по рельефу местности», астролог-преподаватель, ученый-календарист, ученый-астроном, ученый-хронолог, ученики всех четырех специализаций, часовщики, служки и охранники [5, с. 28].

Собственно *оммё:дзи* в этом законе и есть астролог, хотя позже так могли называть и специалистов других направлений. С течением времени к «объяснительной» работе знатока Темного и Светлого начал добавлялось все больше работы ритуальной, а пользоваться услугами *оммё:дзи* мог не только государь, но и аристократы по личным надобностям. Спектр искусств, относящихся к Пути Темного и Светлого начал, был еще шире, чем обозначено в «*Тайхо:рё:*»: например, самое раннее известное упоминание *Оммё:рё:* связано с медициной. Все эти искусства, имеющие китайские корни, были постепенно принесены в Японию переселенцами с материка, в том числе буддийскими монахами и монахинями, и даже сама организация ведомства имела китайский образец. Отличие состояло в том, что в китайской системе одно ведомство ведало астрономией, календарем и клепсидрой, а другое – гаданиями, в Японии же их объединили [11, р. 20–23]. В VII и начале VIII вв. государи неоднократно предписывали монахам, сведущим в искусствах *оммё:до:*, вернуться к светской жизни ради развития и передачи этих искусств. Очевидно, правительство считало прогресс *оммё:до:* задачей государственной важности, поскольку оно могло предоставить средства, способствующие процветанию страны.

Любопытно, что самим монахам в «*Тайхо:рё:*» прямо запрещаются гадание и другие «чародейские» практики, но не возбраняется лечить людей заклинаниями-мантрами (*дзю*), по «буддийским правилам». Тем не менее, в эпоху Хэйан некоторые монахи тоже практиковали *оммё:до:* наряду с исцелением заклинаниями; о них мы скажем ниже.

Эти ограничения для монахов не означают, что Путь Темного и Светлого начал воспринимался как религия. Можно считать его разновидностью мастерства, видом искусства (в значении *тэхун*) или набором искусств – и такому восприятию способствует литература *сэцува*, где рассказы о Пути Темного и Светлого начал помещаются в ряд прочих «путей»: это справедливо и для «*Кондзюку*», и для «*Кодзидан*». Можно рассматривать *оммё:до:* (в понимании средневековых японцев) прежде всего как группу профессионалов, занятых определенной

деятельностью, в основном под контролем вышестоящих чинов ведомства *Оммё:рё:* – такой подход предлагает Сигэта Синъити [12, р. 91]. Исследователь подчеркивает: Путь Темного и Светлого начал – не религия, а работа; есть *оммё:дзи*, о которых известно, что они были буддистами, есть пример знатока Темного и Светлого начал, построившего храм на собственные средства [13, р. 69].

С этой точкой зрения можно согласиться: не потому, что нельзя представить совмещение наследия различных религий в новом течении, а потому, что *оммё:до:* не хватает признаков настоящей религии. Действительно, Путь Темного и Светлого начал являлся системой, в которую были инкорпорированы элементы различных учений, причем иногда изначально уже тесно взаимосвязанные. Так, известно, что существовали – и были привезены в Японию – буддийские тексты, в которых буддизм сочетался с элементами других китайских религий, в т.ч. даосизмом. В подобных текстах в числе прочего рассказывается о божествах направлений – связанные с ними запреты стали заметной частью бытовой культуры японской аристократии эпохи Хэйан. *Оммё:дзи* проводили ритуалы, связанные с почитанием божеств очага – тоже китайского происхождения. Знаменитый ученый-астролог, *оммё: хакасэ* IX в. Сигэока-но Кавахито (慈岳川人)⁵ проводил ритуалы для защиты полей от насекомых-вредителей, а построены эти ритуалы были на основе сочинений конфуцианца и приверженца теории гармонии Темного и Светлого начал [11, р. 32]. Аналогичные действия проводили и другие *оммё:дзи*.

В X в. появились и первые японские тексты по гаданию и другим искусствам *оммё:до:* [1, с. 65; 11]. Среди авторов этих сочинений – сам Сэймэй и его учитель, Камо-но Ясунори (賀茂保憲). Приписываемый Сэймёю текст «Сокращенные записи о гадании» («*Сэндзи рьяккэцу*») сохранился по сей день.

Когда все разнородные религиозные и философские элементы переосмыслились в Японии, превращаясь в Путь Темного и Светлого начал, первостепенную значимость обретала не теоретическая их составляющая, а практическая сторона. Японцев интересовала прежде всего польза, которую можно извлечь в посю-

⁵ Считается первым японским комментатором китайских текстов по искусствам, имеющим отношение к *оммё:до:* [1, с. 65].

стороннем мире, раз его можно благоустроить с помощью полученных знаний. *Оммё:до:* создавалось как инструмент для улучшения бытия здесь и сейчас. Однако утверждение Сигэта Синъити, что Путь Темного и Светлого начал, по сути, являет собой группу различных и не взаимосвязанных практик и концепций [13, р. 68], нуждается, на наш взгляд, в дополнении. Можно предположить, что в основе этого сплава идей все же лежали определенные мировоззренческие установки, которые и стали связью между ними. Эти установки касались ощущения целостности мира.

Главе Ведомства Темного и Светлого начал вменялось в обязанность докладывать государю о «необычных явлениях». Что именно можно считать «необычным», закон не уточняет, но различные тексты позволяют предположить: что угодно, если оно отличается от привычного порядка вещей. Речь не обязательно о явных знамениях, вроде появления чудесной черепахи. Позже при выявлении чего-либо «необычного» к услугам *оммё:дзи* стали прибегать в частном порядке и другие люди. Такая ситуация не раз упоминается в рассказах из разных сборников *сэцува*. Странность нужно объяснить – ведь ничто не происходит просто так, каждое событие что-нибудь значит в связности мира. Любое явление может быть не просто явлением, а *знаком*, у которого есть означаемое. *Оммё:дзи* же способны «прочитать» мир, толковать знаки. Они могут судить о значении происходящего и его причинах, если нужно, могут понять, как исправить что-то в данном состоянии мира. В основе такой деятельности должен лежать взгляд на мир как на единое целое, где все связано со всем, что и позволяет проследить корреляцию между двумя явлениями, не имеющими отношения друг к другу с точки зрения обыденной логики.

Оммё:до: и медицина

Согласно записям в дневниках, Сэймэю не раз приходилось гадать о причинах болезни. В «Кодзидан» именно вокруг выяснения причины недуга строится второй рассказ о Сэймэе – сюжет, который не встречается в других сборниках *сэцува*.

«Кодзидан», 6–64

Сэймэй, хоть и был мирянином, подвижник в Нати⁶ тысячу дней. Каждый день один час

он стоял под водопадом. Говорили, что в прошлой жизни он был безупречным подвижником в Ооминэ. Когда царствовал государь-монах Кадзан⁷, государя, бывало, мучили головные боли. Особенно когда погода была к дождю – государь не знал, что и делать. Как только ни лечили – не было никакого толку. Тогда Сэймэй Асон сказал:

– В прошлой жизни вы были безупречным подвижником. В таком-то месте в Ооминэ вы упокоились с миром. В награду за добродетель в прошлой жизни в нынешней вы родились Сыном Неба, но череп вашего прошлого тела упал в расщелину между скалами и там застрял, в дождливую погоду набухает, скалы сжимают его, и тогда вы в нынешнем теле ощущаете такую же боль. Поэтому лечение вам не поможет. Пожалуй, вы исцелитесь наверняка, если извлечете ваш череп и поместите в просторном месте.

Вот что сказал Сэймэй и объяснил: искать на дне такого-то ущелья. Отрядили туда людей на поиски, и все оказалось точно, как он сказал. После того как голову извлекли, государь навсегда исцелился от головных болей, – так говорят.

В кодексе «*Тайхо:рё:*» не указано прямо на связь *оммё:до* с медициной, но это была, как кажется, важная часть деятельности знатоков Темного и Светлого начал. В хэйанской Японии лечением людей занимались три типа мастеров: собственно лекари, буддийские монахи и *оммё:дзи*. Первые могли бороться с болезнями, вызванными «естественными» причинами, использовали лекарства и акупунктуру. Среди поучительных рассказов в различных сборниках *сэцува* можно найти и посвященные лекарям. Монахи молились, проводили особые обряды и читали сутры. *Оммё:дзи* же гадали о причинах болезни. В тех случаях, когда лекари были не в силах справиться с болезнью (и полагали причину вне «естественного»), они могли посоветовать больному обратиться к монаху. Если причину заболевания видели в воздействии злых духов или демонов, то помощь мог оказать монах, если же недомогание вызвано «гневом» духа или божества, следовало обратиться к *оммё:дзи* [10, р. 49–50]. В подобной системе взглядов способность знатока Темного и Светлого начал определить причину болезни, чтобы стало возможным выбрать правильного специалиста, вероятно, представлялась весьма важной. Пример «разделения труда» между

⁶ Водопад в краю Кумано на полуострове Кии.

⁷ Период царствования – 984–986 гг.

разными мастерами врачевания можно видеть в «Сборнике избранных рассказов» («Сэндзю:сё:», сер. XIII в.): здесь знаменитый лекарь, Сэймэй и монахи работают сообща.

«Сэндзю:сё:», 8–29

Люди говорили, что общинный старейшина [Гё:сон] из Бё:до:ин⁸ изумляет. Однажды, посещая дворец, он встретил святого Ку:я⁹ и заметивши, что левая рука Ку:я искривлена, спросил, что с ней случилось.

– Это я в детстве упал с веранды и сломал ее, – ответил святой.

– Тогда я бы попробовал молитвой исцелить ее. Что скажешь?

– Будет прекрасно, если ты поступишь так.

– Ну что ж, тогда...

[Гё:сон] трижды прочел заклинание-*дхарани*, [обращенное] к бодхисаттве Каннон с пустыми силками¹⁰. И не успел он закончить, как рука исцелилась. [Ку:я] высоко ценил и это чудо¹¹, и общинного старейшину.

А еще, когда царствовал государь-монах Итидзё:¹², ему преподнесли дыни из края Ямато. Лекарь по имени Масатада как раз был во дворце и сказал:

– Одна из этих дынь содержит страшный яд. Кто ее съест – сразу умрет.

Об этом доложили Мидо:¹³.

– Дело странное. Пошлите за Сэймэем, он все объяснит.

Послали за *оммё:дзи* по имени Сэймэй, и было ему велено:

– С этими дынями что-то не то. Погадай и скажи.

Сэймэй вскорости доложил, что ощущает присутствие сильного духа. Потому решено было позвать Гё:сона, чтобы он помолился. Послали за ним, и когда [Гё:сон] сотворил заклинание-*дхарани*, сей же час среди множества дынь одна большая дыня пустилась плясать, подсакивая на два-три *сяку* над дощатым настилом, снова и снова. В конце концов она разломилась изнутри пополам, и показалась

змея в *сяку* с лишним длиною, поползла, не разбирая дороги, и потом умерла. Очень странно это было!

Я не слышал о таких случаях в древности, и думается, что и в последнем веке подобного уже не бывает. Масатада, Сэймэй и Гё:сон были в свое время важными людьми, снискавшими почет. Ныне мир пришел в упадок и таких достойных людей уже не встретишь. Даже отвернувшись от мира¹⁴, преисполняешься печалью.

Примечательно, что в первой половине этого рассказа монахи с помощью своих методов исцеляют недуг, который силами лекарей вылечить, видимо, в свое время не получилось.

Сэймэй и ритуалы

Какие же средства «лечения» были доступны *оммё:дзи*, если они могли не только гадать о причине болезни? Одним из них можно считать упомянутый выше ритуал *Тайдзан Фукун сай* (泰山府君祭)¹⁵. Он был призван умили-вить Тайдзан Фукун и других божеств загробного мира, чтобы снискать их покровительство и защиту и продлить срок жизни¹⁶, отпущенный просящему [12, р. 93]. В свое время Сэймэй популяризировал этот ритуал [12, р. 94]. Всего же к концу эпохи Хэйан *оммё:дзи* проводили более сорока различных ритуалов, нацеленных на то, чтобы испросить здоровья и долгой жизни для молящегося [11, р. 35].

Другой ритуал, упоминаемый в дневниках современников Сэймэя, – *хэнбай* (反問). Как и *Тайдзан Фукун сай*, он имеет китайское происхождение, но был модифицирован в Японии. Он должен был обеспечить человеку безопасность в незнакомом или опасном месте и также проводился в случае переезда в новый или давно не жилой дом, поскольку считалось, что в жилищах могут обитать демоны и духи и без их умиротворения туда входить опасно¹⁷ (Сэймэй,

¹⁴ Т.е. будучи монахом.

¹⁵ Иначе – *Ситикэн дзё:сё: сай* (七献上章祭).

¹⁶ Можно было просить и множество других вещей: ритуал проводили регулярно также и по случаю болезни, природных бедствий и т.д. В Японии молились нескольким божествам загробного мира, среди которых Тайдзан Фукун почитался главным [11, р. 36].

¹⁷ Рассказы, в которых упоминаются нежилые дома как места встреч с потусторонними существами, можно найти в «*Кондзюку*», в частности, в 27-ом свитке. Об этом и о других местах, которые считались особенно опасными, см.: [8].

⁸ Имеется в виду монах Гё:сон (1055/1057–1135), известный поэт *вака*.

⁹ Ку:я (903–972) – монах, проповедовавший почитание будды Амида.

¹⁰ 不空罽索, Фуку: кэндзюку.

¹¹ Здесь – 法驗, *хо:гэн*, чудо в ответ на буддийские молитвы или подвижничество.

¹² Период царствования – 986–1011 гг.

¹³ Фудзивара-но Митинага (966–1028) фактически правил страной при государе Итидзё:.

возможно, первым из *оммё:дзи* стал использовать *хэнбай* в таком качестве для государя [12, р. 79; 13]).

Оммё:дзи здесь выполняют, по сути, мироустроительную функцию. Во вселенной, где кроме человека обитает еще множество различных сущностей, они могут хотя бы отчасти делать окружающий мир более благоприятным для людей: например, обеспечить безопасность в пути или превратить здание в пространство, пригодное для жилья. Ритуалы, направленные на продление жизненного срока человека или избавление его от проклятий, по смыслу также к этому близки: пользуясь возможностью взаимодействовать с миром иначе, чем могут обыкновенные люди, *оммё:дзи* улучшает положение вещей для конкретного человека, действуя в рамках общих законов, по которым функционирует мир. Иначе говоря, если деятельность знатока Темного и Светлого начал результатом будет иметь «чудо», то это будет не чудо как явление, нарушающее естественный порядок вещей. Скорее, это будет явление, восстанавливающее порядок и во всяком случае не выбивающееся из него, пусть и удивительное на сторонний взгляд.

Еще более явно стремление обустроить наиболее удобный для человека мир видно в хэйанском подходе к топографии. Четыре божества – Сэйрю: (青龍), Судзаку (朱雀), Бякко (白虎) и Гэмбу (玄武) – соотносились с разными особенностями ландшафта (текущая вода, стоячая вода, дороги и возвышенности), *оммё:дзи* же могли судить о том, как организовать ландшафт в имени таким образом, чтобы все силы пребывали в гармонии, а обитатель имени получил защиту четырех божеств [13, р. 70–71].

Отношения между миром и человеком нашли свое отражение и в традиции запретов на направления. Различные запреты занимали заметное место в повседневной культуре хэйанских аристократов. Среди них – *катаими*, запреты двигаться в определенную сторону от жилища (или совершать там определенные действия), связанные с пребыванием в этой стороне одного из божеств. В основе таких запретов лежали верования китайского происхождения, которые в Японии были усвоены на ранних этапах развития *оммё:до:и*. Отметим, что в Китае первоначально эти верования связывались, вероятно, с влиянием на жизнь человека определенных звезд и планет [1, с. 61]. Здесь, таким обра-

зом, некогда существовала связь с астрономией, которая тоже нужна была прежде всего для предсказаний, поскольку считалось, что расположение небесных светил соотносится с судьбой человека. Свидетельства о соблюдении или нарушении запретов на направления в Японии относятся к IX в., а к X в. – упоминания о способах обойти запрет (например, можно было провести ночь накануне появления божества не в собственном жилище, в другом месте, чтобы и божество явилось в другой стороне). Запреты могли налагать существенные ограничения на повседневную деятельность, например, на возможность вести строительные работы, потому неудивительно, что люди нуждались в способах их преодолеть.

Основные божества, цикл передвижений которых являлся причиной *катаими*, были не единственной опасностью, которую стоило учитывать, затеявая перемены в окружающей среде. В «*Кондзяку моногатари сю:и*» (24–13) можно найти рассказ о том, как трудно было Сигэока-но Кавахито спастись от разгневанного божества земли, по ошибке потревоженного при выборе места для государевой усыпальницы. Почему знаменитый мастер Пути Темного и Светлого начал совершил такую ошибку, неизвестно. Можно предположить, что его просчет мог быть вызван не столько недостатком умений самого Кавахито, сколько неверными основаниями, из которых он исходил: между *оммё:дзи* случались споры о различных моментах ритуала и даже о соблюдении запретов. Причем разночтения происходили не только из-за различия в толкованиях текстов, но еще и потому, что мастера часто имели доступ к разным текстам [1]. Доступ к секретным текстам – важная тема в предании о трагедии Сэймэя, которого обманул его ученик Асия Доман, скопировав принадлежащее учителю тайное писание [2, с. 52–53].

Не менее страшными выглядят в *сэцува* и последствия несоблюдения *моноими*, «удаления от скверны», которое представляло собой фактически общий запрет на контакты с внешним миром. В 24-ом свитке «*Кондзяку*» есть рассказ именно об этом: герой, которому грозило проклятие, мог послушаться *оммё:дзи* и соблюсти *моноими*, и тогда остался бы жив, но он нарушает запрет и гибнет – от проклятия другого мастера Темного и Светлого начал. Любопытно, что саму возможность спастись, хоть и упущенную, он получил лишь потому, что сначала

в его доме стали происходить странные события, и *оммё:dzi* верно истолковал их, посоветовав уйти в затвор.

В целом *оммё:dzi*, тем более во времена Сэймэя, совсем не ограничивались составлением календарей и предсказаниями. Они проводили большое количество разнообразных ритуалов. Помимо уже упомянутых устраивали, например, *Горю:сай* (五龍祭) – Праздник пяти Драконов, церемонию вызывания дождя во время засухи; занимались изгнанием злых духов, а также очищением домов от скверны, связанной со смертью и другими обстоятельствами. Изгнание демонов в масштабе целой страны, важнейший для страны ритуал, называлось *цуйна* (追儺) и проводилось при дворе в последний день года. Со временем аналогичные ритуалы стали проводить в своих имениях аристократы [12, р. 80]. Неисполнение этой церемонии, как считалось, грозило бедствиями, например, мором, который насылают не изгнанные вовремя демоны. Когда в 1001 г. из-за траура в государственной семье во дворце не стали проводить *цуйна*, в знатных домах тоже отменяли совершение ритуала, но Сэймэй провел его в собственном доме, и тогда люди стали повторять за ним [12, р. 80; 7, с. 59].

Что касается Сэймэя, считалось, что в гаданиях он не ошибается, исполняемые им ритуалы современники признавали действенными, что позволяло ему продвигаться по службе или получать дополнительные награды за труды [12, р. 81].

Как Сэймэй достиг могущества

Если бы прибегающие к помощи Сэймэя люди не считали его действия эффективными, он не смог бы достичь высокого места в иерархии *оммё:до*. Но и наоборот, отчасти именно продвижение по службе давало *оммё:dzi* возможность по-настоящему проявить себя. Упоминания о деятельности исторического Сэймэя¹⁸ в основном можно увидеть в дневниках с 967 по 1005 гг. [12]. Известно, что Сэймэй умер в возрасте 85 лет. То есть все записи о его деятельности относятся к зрелому и старшему возрасту, и путь его к славе, видимо, вовсе не был головокружительно быстрым. Считается, что Сэймэй учился у Камо-но Ясунори, в 972 г. стал ученым-астрономом (*тэнмон хакасэ*) и только

около 986 г., когда ему уже было за 60, достиг высшего ранга¹⁹, исполняя службу *оммё:dzi* при *Куро:до докоро* [12, р. 96].

Но когда Сэймэй превращается в литературного героя в *сэцува*, то приобретает, как и положено идеальному мастеру своего дела, врожденные таланты. Это и способность к Пути в целом (причем такая, что ее могут увидеть и оценить старшие приверженцы *оммё:до*), и очень важное для знатока Темного и Светлого начал умение видеть демонов и духов. В «*Син саругакуки*» (1066 г.) Фудзивара-но Акихира вымышленный идеальный *оммё:dzi* описан как обладатель тела человека и сердца, способного общаться с духами и демонами [12, р. 81]. В «*Кондзяку моногатари сю:*» (24–16) рассказывается, будто молодой Сэймэй, сопровождая в поездке наставника (не Ясунори, а его отца, Тадаюки), смог, к удивлению последнего, увидеть демонов, встретившихся на их пути. В предыдущем рассказе аналогичным образом характеризуется Ясунори: ребенком он видит духов, хотя его отцу требуются значительные усилия, чтобы научиться их видеть.

Тем не менее, «*Кондзяку*» не оставляет все лишь на откуп врожденному таланту: всякий раз рассказчик подчеркивает и значительное усердие, проявленное в постижении Пути. Так происходит и с другими искусствами: действительно выдающиеся мастера хотя и рождаются с превосходными задатками, все равно добиваются высот своим трудом.

Приведенный выше рассказ из «*Кодзидан*» любопытен еще и тем, что в нем сообщается о подвижничестве Сэймэя. Это еще одна версия становления легендарного мастера, и поскольку Акиканэ, составитель сборника, упоминает факт подвижничества, он, видимо, считает, что невероятными способностями, как и результативностью ритуалов, Сэймэй обязан упорному труду на стезе духовного совершенствования. Более того, Акиканэ прямо говорит и о подвижничестве в прошлой жизни, таким образом сразу и объясняя таланты, коими *оммё:dzi* обладает в нынешнем рождении, и проводя параллель с историей государя Кадзана.

¹⁹ Самый высший свой государственный ранг, нижнюю ступень 4-го младшего ранга, Сэймэй получил и вовсе будучи в возрасте за 80 лет [12, р. 96]. Вопрос о том, как много в преданиях о своем могуществе мог вложить сам Сэймэй, мы оставляем открытым, мнения здесь могут быть разными. См., напр.: [7].

¹⁸ Самая ранняя запись о Сэймэе, на которую ссылается Такэмура, приходится на сорок лет *оммё:dzi*, 960 г.

Третью версию профессионального пути Сэймэя можно найти в «Продолжении бесед о делах старины» («Дзоку Кодзидан»), сборнике XIII в.:

«Дзоку Кодзидан», 5–13 (133)²⁰

Когда Сэймэй был *оотонэри*²¹, он отправился к мосту в Сэта²², надев плетеную шляпу. Дзико:, увидев его, понял, что Сэймэй станет хорош в их искусстве. Воодушевленный этим, Сэймэй пришел к знатоку Темного и Светлого начал по имени Гусэн, но в ученики его не приняли. Тогда Сэймэй пришел к Ясунори, и тот, познакомившись с ним, принял его. Сэймэй стал чародеем. В таланте и образованности никто не мог его превзойти. В споре с Мицуёси [сыном Ясунори] Сэймэй сказал:

– При Ясунори Мицуёси никогда не ставили выше меня.

Мицуёси сказал:

– Любимый ученик и нелюбимый сын – не одно и то же.

– Собрание [писаний] Ста домов [знатоков Темного и Светлого начал] было передано мне, – сказал Сэймэй. – А не Мицуёси. Это и есть подтверждение моим словам.

Мицуёси же на это сказал:

– Собрание Ста домов было у меня. И Путь календаря отец передал мне.

Любопытно, что составитель «Продолжения» не включил в свой сборник два рассказа о Сэймэе из «Кодзидан», а вместо того предпочел рассказать этот сюжет, где Сэймэй предстает в гораздо более спорном образе. С другой стороны, здесь Сэймэй выглядит человеком, упорно ищущим наставника на выбранном Пути (выбранном, видимо, сознательно, а не по семейной традиции). Соперничество Сэймэя, любимого ученика Ясунори, с Мицуёси, видимо, имело место в реальности. Потомки Сэймэя и потомки Мицуёси составили две линии преемственности искусств *оммё:до:*, первые занимались гаданием и чародейством, а вторые – календарным делом. Тем не менее, предания о том, что сам Ясунори хотел оставить своей семье лишь календарь, могут быть просто отражением уже сложившейся исторически ситуации, объясне-

нием постфактум, которое не имеет ничего общего с волей настоящего Ясунори [12, р. 86]

Что касается Мицуёси, его признали лучшим *оммё:дзи* лишь после смерти Сэймэя, и лишь тогда он смог проводить самые важные ритуалы для государя.

Тем не менее, можно согласиться с оценкой Такамура Синдзи: в «Дзоку кодзидан» Сэймэй не похож на человека, обладающего властью и занимающего твердое положение в мире *оммё:до:* [7, с. 65]. Скорее, здесь изложена история борьбы человека, который, не принадлежа к семье потомственных *оммё:дзи*, сумел постигнуть интересное ему искусство и достичь высокого положения в обществе в непрестанном состязании с теми, кто изначально находился в более выгодной позиции. Это соотносится с тем, что, как дают нам понять дневники, Сэймэй шел к высшим должностям дольше, чем другие *оммё:дзи*. Но он сумел отстоять свою позицию, поспорить за наследие Ясунори и дать начало новой семье знатоков Темного и Светлого начал.

Чары и проклятия

Второй рассказ с упоминанием Сэймэя в «Беседах о делах старины» содержит сюжет, куда более известный по сравнению с первым: эта история повторялась в других сборниках *сэцува*, в том числе ее можно найти в «Удзи сю:и моногатари». Однажды любимая собака канцлера Митинаги повела себя странно, не желая пускать его в ворота будущего храма Хо:дзё:дзи, который строил канцлер. Митинага призвал Сэймэя, который обнаружил зарытую в землю проклятую вещь и объяснил, что собаки обладают небольшими чудесными способностями, потому Митинаге и повезло, а потом помог найти злонамеренного чародея с помощью бумажной фигурки, которую заклинанием обратил в птицу. Заговор против Митинаги был раскрыт, а сановник спасен.

Как и в рассказе из «Сэндзю:сё:», Сэймэй, которого требует к себе Митинага для прояснения «необычных» обстоятельств, оказывается способен распознать проклятие. Но, скорее всего, ни в одном сборнике *сэцува* не найдется рассказа, в котором Сэймэй сам использовал бы на людях вредоносные чары, при том что в пересказанном выше эпизоде прямо говорит – ему эти чары известны.

Деятельность *оммё:дзи* на службе государства контролировалась вышестоящими собратями по Пути, и если знаток Темного и Светлого начал

²⁰ Источник неизвестен, рассказ не встречается в других сборниках.

²¹ *Оотонэри* – служилые подразделения, подчиненного Министерству центра, внутренняя стража дворца.

²² Находится в Оцу, Ооми.

прибегал к запретным техникам, его наказывали²³. В дневниках аристократов проклятия упоминаются множество раз, но служилые *оммё:дзи* не занимались подобными вещами. Занимались, например, монахи – знатоки Темного и Светлого начал, *хо:си оммё:дзи*, такие как До:ман, у которых, в свою очередь, была собственная линия преемственности [12, р. 91]. В рассказах «Кондзяку моногатари сю:», посвященных искусству Темного и Светлого начал, особенно оговаривается, что злодеяния совершали не *оммё:дзи* на службе государя. Так, например, в упомянутом выше рассказе о нарушении *моноими* «негосударственный» знаток Темного и Светлого начал занимается проклясть человека по заказу его врага, в то время как другой *оммё:дзи* его защищает. В другом рассказе (24–16) Сэймэя спрашивают о том, может ли он убить человека, используя прислуживающих ему духов-*сикигами*. И он отвечает, что сделать это возможно, и даже демонстрирует свои способности по просьбе спрашивающих, не имея к тому особенного желания, но говорит: человека убить нелегко, букашку убить – пустяк, но оживить ее я не умею, так что просто совершу бессмысленный грех. Иными словами, Сэймэй здесь обладает поистине пугающим могуществом, но отказывается использовать свое могущество во зло.

Интерпретация поучительных рассказов, представленная в нашей статье, разумеется, ограничена, поскольку всю красочность смысловых оттенков *сэцува* можно по-настоящему оценить только в совокупности рассказов, во взаимосвязи историй, расположенных рядом, и всех сюжетов сборника в целом. Тем не менее, даже по немногим рассказам, в которых фигурирует Сэймэй, можно видеть, как отразилась в этой литературе традиция *оммё:до:*. Видно, что знатоков Темного и Светлого начал воспринимали как мастеров в определенном искусстве, как врачей и др. Рассказчики предполагают наличие предрасположенности к этому искусству, но и необходимость труда для совершенствования в нем. *Оммё:дзи* имеют дело со сверхъестественными вещами, что не мешает помещать их искусство в ряд прочих искусств. Нашли здесь косвенное отражение аспекты истории становления *оммё:до:* – и на уровне, когда этот Путь имел государственную важность, и на уровне, когда приносил пользу обыкновенным людям. *Оммё:до:* было важной частью повседневной

культуры хэйанских аристократов и, как представляется, прежде всего целью своей имело мирские блага и удобства – для отдельного ли человека, для страны ли в целом. Путь Темного и Светлого начал предоставлял конкретные возможности для того, чтобы объяснить события, происходящие в мире, а затем при необходимости повлиять на положение вещей, чтобы сделать его более приемлемым для человека. *Оммё:до:* являлось средством толковать мир и договориться с ним.

Сэймэй, выдающийся *оммё:дзи*, в традиции стал посредником между миром посюсторонним и потусторонним. Он превратился в воплощение идеального знатока Темного и Светлого начал, который уже больше, чем «просто» человек: его глаза видят больше, чем положено людям, и его воля способна на большее, чем воля людей. Может быть, именно поэтому впоследствии так прижилась в культуре идея происхождения Сэймэя от лисицы и прочие его фантастические образы. Но в *сэцува* он все еще человек – и прежде всего человек, достигший невероятного мастерства на выбранном Пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачурин А.С. Запреты на направления (каитами) в период Хэйан // История и культура традиционной Японии. М.: РГГУ, 2008. С. 59–97.
2. Кикнадзе Д.Г. Магико-мантическая практика Оммёдо в средневековой Японии (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.) // Религиоведение. 2013. № 4. С. 48–58.
3. Кодзидан. Дзоку кодзидан (Беседы о делах старины. Продолжение бесед о делах старины) // Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 41. Под ред. Кавабата Ёсиаки, Араки Хироси. Токио: Иванами, 2005.
4. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 36. Под ред. Коминэ Кадзуаки, Ямагути Акио. Токио: Иванами, 1994.
5. Свод законов «Тайхорё». 702–718 гг. I–XV законы. М.: Наука, 1985.
6. Сэндзю:сё: (Собрание избранных историй). URL: http://yatanavi.org/text/senjusho/m_senjusho08-29
7. Такэмура Синдзи. Сисё, никки ни миру Сэймэй (Образ Сэймэя в исторических произведениях и дневниках) // Кокубунгаку кайсяку то кансё:. 2002. № 67. С. 54–66.
8. Трубникова Н.Н. Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах,

²³ Сохранилась запись о подобном инциденте, см.: [12, р. 91].

оборотнях и прочей нечисти // Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 287–320.

9. Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии IX–XII вв. М.: Наталис, 2009.

10. Hayek, M., 2006. Abe no Seimei (921–1005) and illness: physicians, masters of the way of the yin and yang, and monks in ancient-medieval narratives (11th–13th centuries). *Sokendai Review of Cultural and Social Studies*, no. 2, pp. 47–52.

11. Masuo, S., 2013. Chinese religion and the formation of onmyōdō. *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 19–43.

12. Shigeta, S., 2013. A portrait of Abe no Seimei. *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 77–97.

13. Shigeta, S. and Thompson, L., 2012. Onmyōdō and the aristocratic culture of everyday life in Heian Japan. *Cahiers D'Extrême-Asie*, Vol. 21, pp. 65–77.

REFERENCES

1. Bachurin, A.S., 2008. Zaprety na napravleniya (kataimi) v period Heian [Forbidden directions (kataimi) in Heian period]. In: *Istoriya i kul'tura traditsionnoi Yaponii*. Moskva: RGGU, 2008, pp. 59–97. (in Russ.)

2. Kiknadze, D.G., 2013. Magiko-manticheskaya praktika Ommyodo v srednevekovoi Yaponii (po materialam sbornika «Udzi syui Monogatari», XIII v.) [The magico-mantical practice of onmyōdō in medieval Japan (as reflected in «Uji Shui Monogatari» of XIIIth century)], *Religiovedenie*, no. 4, pp. 48–58. (in Russ.)

3. 古事談. 続古事談 [Kojidan. Zoku Kojidan]. 新日本古典文学大. Vol. 41. 東京: 岩波書店, 2005. (in Japanese)

4. 今昔物語集 [Konjaku Monogatari-shū]. 新日本古典文学大. Vol. 36. 東京: 岩波書店, 1994. (in Japanese)

5. Svod zakonov «Taikhoryo». 702–718 gg. I–XV zakony [The Taihō Code]. Moskva: Nauka, 1985. (in Russ.)

6. 撰集抄 [Senjūshō]. URL: http://yatanavi.org/text/senjusho/m_senjusho08-29 (in Japanese)

7. 竹村信治, 2002. 史書・日記に見る清明 [Image of Seimei in history records and dairies], *国文学解釈と鑑賞*, Vol. 67, pp. 54–66. (in Japanese)

8. Trubnikova, N.N., 2019. Zlye sily v «Sobranii starodavnykh povestei»: rasskazy o demonakh, oborotnyakh i prochei nechesti [Evil forces in Konjaku Monogatari-shū: stories about demons, foxes, and other devilry], *Ezhegodnik Yaponiya*, Vol. 48, pp. 287–320. (in Russ.)

9. Trubnikova, N.N. and Bachurin, A.S., 2009. Istoriya religii Yaponii IX–XII vv. [History of Japanese religion, 9th–12th centuries]. Moskva: Natalis. (in Russ.)

10. Hayek, M., 2006. Abe no Seimei (921–1005) and illness: physicians, masters of the way of the yin and yang, and monks in ancient-medieval narratives (11th–13th centuries). *Sokendai Review of Cultural and Social Studies*, no. 2, pp. 47–52.

11. Masuo, S., 2013. Chinese religion and the formation of onmyōdō. *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 19–43.

12. Shigeta, S., 2013. A portrait of Abe no Seimei. *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 40, no. 1, pp. 77–97.

13. Shigeta, S. and Thompson, L., 2012. Onmyōdō and the aristocratic culture of everyday life in Heian Japan. *Cahiers D'Extrême-Asie*, Vol. 21, pp. 65–77.